

Valentina Brio

Письмо как историческое свидетельство

Письма Паулины Апеншляк 1946—1947 гг. об Эрец Исраэль

Илья Захарович Серман назвал одну из своих статей «Два свидетеля своего времени — Шатобриан и Карамзин», выделив таким образом «печать времени», о котором говорится в их сочинениях. Важным достоинством этих писателей Илья Захарович видел непосредственность свидетельств, то, что в них нет еще «позднейших наслоений», а также эмоциональное восприятие событий, которое придавало повествованию особенное звучание.

Те же достоинства обнаруживаются и в письмах представляемого здесь автора. В письмах рассказывается о некоторых событиях в Эрец Исраэль в 1946—1947 гг., т. е. близко предшествовавших созданию Государства Израиль (нет нужды говорить, что Илья Захарович знал историю Израиля, был в курсе актуальных политических событий, интересовался ими, высказывал свое мнение).

Польско-еврейская журналистка и писательница Паулина Апеншляк писала письма из подмандатной Палестины в Польшу известному поэту Владиславу Броневскому.

Письма (здесь — в выдержках) публикуются впервые — как вообще, так и в переводе на русский язык. Пользуясь случаем, благодарю сотрудников Музея Владислава Броневского в Варшаве (где они хранятся) и его директора пана Славомира Кеңдзерского за разрешение познакомиться с письмами и их публиковать. В собрании 14 писем (34 стр. с правкой), текст частично написан от руки, частично напечатан на пишущей машинке. Письма Паулины Апеншляк включены в подготовленную нами к изданию книгу о культурной деятельности

© Valentina Brio, 2014

© TSQ № 47. Winter 2014

и поэзии Польской армии Андерса в Иерусалиме в годы второй мировой войны («Польские музы на Святой земле».

И автор писем, и адресат прибыли в Палестину в годы Второй мировой войны. Паулина Апеншляк вместе с сыном Хаимом-Генриком, студентом Еврейского университета в Иерусалиме, проводившим каникулы 1939 г. у родителей в Варшаве, в первые дни сентября успели уйти и из Варшавы, и за границы Польши, и через Румынию добрались до Палестины.

Владислав Броневский пришел сюда в рядах Польской армии Андерса (армия была включена как 2-й Корпус в состав союзной 8 Британской армии). Он был направлен на работу в редакцию только что созданной в Иерусалиме литературно-политической газеты «W drodze» («В пути»: он макетировал газету и, конечно, публиковал стихи; в Иерусалиме вышло три его поэтических сборника, он написал здесь свои лучшие стихи. В 1945 г. Броневский вернулся в Польшу.

Паулина Апеншляк также намеревалась вернуться, но обстоятельства сложатся иначе. Она тоже публикует статьи в газете «W drodze» и в других изданиях, позднее становится сотрудницей журнала «Olam ha-Isha» (иврит, «Мир женщины», в котором, как она позже иронически заметит, «рассказываю о феминистском движении разным солидным амбициозным паням — моим читательницам» (11 апреля 1946)¹.

В годы войны Паулина и ее второй муж журналист Зигмунт Фогель были близкими друзьями Броневского. Она бережно хранила подаренные ей поэтом рукописи его стихов: «Я почти ежедневно читаю стихи, которые Вы мне оставили, и это единственная и исключительная связь, которая связывает меня с Польшей» (2 апреля 1946)². После возвращения в Польшу Броневский написал письма своим здешним друзьям. С некоторыми переписка продолжилась (кстати, к нему обращались и с просьбами помочь в розыске родных, с которыми разлучила война).

¹ Музей Владислава Броневского, Варшава, папка «Письма из Палестины». I/2. Далее — Музей и сигнатура.

² Там же, I/1.

В переписке была и деловая сторона, она тесно связана с основным кругом тем и сюжетов. Паулина Апеншляк написала (в 1944 году) книгу о Януше Корчаке — «Доктор остался. Биографический роман», в 1946 г. он был издан в Иерусалиме на иврите (перевод был сделан с польской рукописи). Апеншляк хорошо знала Януша Корчака еще со своих школьных лет, когда приходила в его детский дом на ул. Крохмальной, а позднее работала в редакции, где Корчак руководил газетой, издававшейся детьми, «Mały przegląd» («Малое обозрение» — приложение к газете «Nasz przegląd»). Сама Апеншляк была главным редактором журнала для еврейских женщин на польском языке «Ewa», в котором писала на темы эмансипации. Поэтому ее имя обычно упоминается в работах о феминизме. Находясь в Эрец Исраэль, она узнала о гибели Корчака и написала о нем очерк-воспоминание для газеты «W drodze» (очерк затем был включен в книгу как предисловие). Свою книгу она написала по-польски и хотела издать ее также в Польше, в чем и просила помочь Броневского. Дело пошло, Броневский написал предисловие, издательство «Książka» прислало ей договор, был определен гонорар, но книга так и не вышла (позднее ее книга издавалась на разных языках). Апеншляк также предложила Броневскому помощь в переводе и публикации в Палестине книги Марии Зарембинской «Освенцимские рассказы». Актриса Зарембинская, жена Броневского, пережила Освенцим, но здоровье ее было подорвано, и, несмотря на усилия швейцарских врачей, ее лечивших, в 1947 г. она скончалась.

В своих письмах Паулина Апеншляк, конечно, рассказывала об общих знакомых и о здешней жизни: «...суть нашей жизни плюс сплетни» — самоиронически подытоживала она одно из писем (11 апреля 1946)³. В письмах немало бытовых подробностей, писала она и о природе, и погоде, о семейных планах: поселиться в Хайфе на г. Кармель (что позднее и осуществилось) или съездить в Европу. Конечно же, и о Польше. Она тосковала по привычной работе, именно с ней связывала новый замысел: «Если книжка моя пойдет, закончу план пове-

³ Там же, I/2.

сти, героиней которой будет газета. История ее взлета и падения. И конечно, журналисты, наборщики, разносчики и... пишущая женщина. Напишу ее от тоски по редакции и ротационной машине, и потому, что так хорошо знаю эту среду. Как Вам мой замысел?» (11 апреля 1946)⁴. Она была готова просто сотрудничать с польской печатью и деловито спрашивала: «Как Вы считаете, пан Владек, есть ли газеты, которые интересуются палестинскими корреспонденциями?» (5 июля 1946)⁵. Но из Польши приходили трагические известия: о нападениях на евреев, убийствах, погромах в Кракове и Кельце (в послевоенной Польше, фактически в условиях гражданской войны, это продолжалось до середины 1947 года)⁶. На это она откликнулась соответственно: «У меня уже нет сил бороться со всеми теми ужасами, которые рассказывают о Польше. Речь идет, конечно, только об антисемитизме, — руки опускаются, когда слушаешь эти известия. Мне немного страшно, что никогда уже в Польшу не приеду» (20 мая 1946)⁷. И при этом она не может не жить польской литературой и в связи с поездкой Броневского с супругой в Швейцарию (для лечения) восклицает: «...я, многократно бывая в Швейцарии, не могла освободиться от возвращающихся строф Словацкого. Вы только подумайте, что проходите по той же трассе... Путешествие на

⁴ Там же, I/2.

⁵ Там же, I/4.

⁶ Броневский в 1946 г. опубликовал в лодзинской газете «Kuźnica» статью (она стала и предисловием к публикации перевода антифашистского памфлета французского писателя Жюльена Бенда «Антисемит по убеждению». Статья Броневского звучала очень актуально, он обращался к полякам: «Казалось бы, превосходящее всякое воображение своим ужасом многомиллионное злодеяние немцев должно сдерживать каждого, в ком не утасли остатки человеческих чувств. Напротив: победу одержала школа убийства, школа слепой расистской ненависти... Фактов, иллюстрирующих это явление, имеем слишком много: кровавые нападения на деревни, злодейства в городах и местечках, на дорогах... Виновники? — молодежь, в основном моложе 20 лет. Родственные души поручика Шенвара» (Julian Benda. Antysemita z przekonania. Ze wstępem Władysława Broniewskiego. Łódź, 1946, s. 7. Шенвар — персонаж памфлета Бенда). См. подробнее: Брио В. «Общий дом наш разрушен...» // История, культура, литература. К 65-летию С. Ю. Дудакова. Иерусалим, 2004. С. 245—250.

⁷ Музей, I/3.

Восток и Швейцария!» (7 сентября 1946)⁸. Передает приветы писателям, с которыми знакома: «А Тувим, — действительно хорошо себя чувствует, как о том пишут? Зная его чувствительность, мне трудно в это поверить. Если увидите Важика, передайте ему привет от меня. Не видите ли Вы с Домбровской?» (5 июля 1946)⁹.

Главным возвращающимся сюжетом из жизни в подмандатной Палестине становится следующий: «В среднем два раза в неделю doplывает до берега движущаяся трагедия — пароход нелегальных иммигрантов. Часто прибывают знакомые — бегаю по городу, как шальная, чтобы раздобыть для них комнату, место, протекцию. Самое важное, что нужно разговаривать с этими людьми часами, все они немного ненормальные, с разными комплексами. Порою, как потом мне говорят, такой разговор для них важнее, чем хлеб. Это не преувеличение: они ужасно одиноки, и нужно дать им иллюзию дружбы, а кроме того, им хочется, чтобы их жалели, они рады, когда кто-то слушает об их ужасах. Порою целыми неделями живу их несчастьями и забываю о своей жизни. Это не филантропия, — до такой степени меня втянули эти живые книги, ведь каждый из этих людей, — это роман. Я страшно жалею, что нет у меня таланта и боюсь писать — этот наш палестинский мир ломится от тем» (20 мая 1946)¹⁰.

Столь драматическая ситуация сложилась потому, что британские мандатные власти ввели квоту на въезд евреев в Палестину. Это началось еще в 1930-е гг., но даже в годы войны, когда в мире уже знали о планомерном уничтожении евреев в Европе, британские власти квоту не отменили и прибывших таким образом людей насильно депортировали. Для координации потоков нелегальных иммигрантов была создана специальная подпольная организация. Кроме того, с 1944 г. организация «Эцел», возглавленная Менахемом Бегиним, начала вооруженное восстание против британских властей.

⁸ Там же, I/6. Речь идет о поэме Юлиуша Словацкого «Швейцария». Он также совершил путешествие на Восток и написал поэму «Путешествие в Святую землю» (не закончена).

⁹ Там же, I/4.

¹⁰ Там же, I/3.

Апеншляк не одобряла радикальных действий подпольщиков: «Так называемая «Подпольная Палестина» состоит из разных элементов. Много фанатиков идеи, но много и юнцов, которые любят револьвер и дансинг одновременно», — так писала она и позднее (25 января 1947)¹¹. Она не могла примириться с сильным накалом вооруженной борьбы в это время. Но то, как жестко реагировали британские власти, ее возмущало. В письме от 5 июля 1946 г. рассказывалось:

«Весть об издании книги приободрила меня, потому что у нас, как Вы, конечно, знаете из печати, — кроме того, что июль тоже настоящее пекло, — совершаются дела еще худшие. ...И это где... В идиллических кибуцах, среди «друзей всего света» английские солдаты устроили представление, достойное верных рипл'ов Гитлера. Правда, в оправдание англичане говорят, что это не регулярные полки, а десантная дивизия и «коммандос», которые обучались в Германии, балуют в Палестине. Факт, что так называемые «каланийоты»¹² (от красных беретов) пишут мелом на стенах кибуцных амбаров и комбайнах «Покончить с евреями!», «Да здравствует Германия!», и оставляют после себя, кроме раненых детей и разоренных домов, — знаки свастики. Уже неделю идет здесь настоящая война слона с мухами. Евреи зашли несколько далеко, ... — но никто не сомневается, что поиски террористов и оружия превратятся в обыкновенный погром, и это в кибуцах. Выстрелы на улицах, пренебрежение человеческой жизнью, фрукты раскрадываются арабами, которым эта забава очень нравится, поля и сады, уничтоженные танками, скот и птица, подыхающие от голода и жажды, потому что к ним не допускают людей. Отцы в лагерях, матери, окровавленные после рукопашной схватки с солдатами, разбитые детские кроватки, уничтоженные столовые — плоды такого тяжелого труда. Так выглядят сегодня кибуцы в Галилее, идеальный образ которых Вы, наверное, сохранили в памяти. Но они, в кибуцах, имеют более здоровые нервы, чем мы, городские люди, и видно, это очередное разочарование в «культуре Запада» не потрясло их так, как нас. Говорят: всё отстроим».

¹¹ Там же, I/9.

¹² Каланийот (иврит) — красные анемоны.

Броневский в свое время в одном из писем к дочери из Иерусалима писал о своей симпатии и восхищении кибуцниками, а в детях, говорящих на иврите, древнем языке, он видел будущих творцов еврейской культуры и государства. Так что в своем адресате она нашла понимающего собеседника.

Паулина Апеншляк — журналистка, и естественно, что она осмысляла события, пыталась сделать обобщения: «Но это всё в своей политической безнадежности имеет и свой смысл, очень интересный. Похоже, что нигде — это значит у вас, — нет столько идеализма и столько самоотверженности, как здесь. Даже испорченный Тель-Авив набрался серьезности и отваги», — писала она в следующем же письме 30 июля 1946¹³.

Размышляла она и о послевоенной жизни в Европе: «Мне любопытно, произвела ли Европа на вас такое же впечатление, как на многих: более чем угнетающее. Письмо Крыси¹⁴ о временах пренебрежения к человеку, наступивших в Европе, оцениваю как великолепный документ. Она пишет мне, что чувствует себя еврейкой, и только теперь понимает, как это неприятно. Забыла, бедняжка, что мы себе в утешение создали миф об избранности и тем самым подняли эту «неприятность» до достойной миссии. А proros: конечно, у каждого миссия своя» (15 октября 1946)¹⁵. Отметим, что автор оценивает письмо, в котором рассказывается о непосредственном переживании действительности, как документ. Такое отношение к письмам повышает значимость и ее собственного эпистолярного наследия.

Апеншляк писала Броневскому о том, что происходит в хорошо знакомых ему местах: «Вчера была в Иерусалиме, который совершенно переменялся с тех пор, как Вы уехали. Весь город, в центре так опутан проволокой, что выглядит не как лагерь, а как олицетворение лагеря. На Яффской выгнали жильцов, закрыли лавки, замуровали окна и сделали из домов стены — может, когда-нибудь и они станут историческими. Вечерами нет света, ... люди ходят понурые, потрясенные,

¹³ там же, I/5.

¹⁴ Кристина Доманьская — польская художница.

¹⁵ Музей, I/7.

аресты без числа, сама видела, как из автобуса вытаскивали двух парней и били их, только потому, что розовому полицейскому приснилось, будто так выглядит террорист. Конечно, были одеты плохо, на них не было клетчатых пиджачков. В воздухе носится дух ненависти. Удивительно, но этого совсем не чувствуется в отношении к арабам. Арабы, по сути дела, захвачены еврейской «работой», и это им невыразимо импонирует — немного со страху, немного из симпатии и братства в ненависти, — они только изображают бойкот, режиссируемый англичанами, а вообще сочувствуют». (15 октября 1946)¹⁶.

В своих письмах она не раз возвращалась, как уже упоминалось, к сюжету о прибытии нелегальных иммигрантов: это вызывало определённую рефлексию:

«Я пишу Вам об этом потому, что постоянно живу в этой атмосфере борьбы за возможность приезда и фанатического стремления прибыть сюда, где сейчас безработица и начинаются хамсины¹⁷. В Европе было легче, а уж наверняка в Польше лучше: так почему же убегают, почему рискуют жизнью, чтобы добраться сюда? Это, по-видимому, сложная психологическая проблема. Кто знает тайны «людей из печи Майда-нека»? (27 марта 1947)¹⁸.

Паулина Апеншляк не просто живет «в этой атмосфере», она — участник событий: «Я присутствовала при прибытии нелегального корабля. На сей раз англичанам не удалось поймать их на море. Доплыли до пустынного берега возле кэмп Рафа¹⁹ на юге. На берегу ночью ожидало две тысячи людей из кибуцев без документов, чтобы подменить прибывших. Автобус Эггеда²⁰ стоял наготове чуть дальше. Англичане подстерegli корабль. 750 человек бросились вплавь к берегу. Английские моряки устроили охоту на воде: три моряка и один офи-

¹⁶ Там же, I/7.

¹⁷ Хамсин — («пятьдесят», — арабск.) — сухой и жаркий ветер в странах Ближнего Востока (и в северо-восточной Африке), обычно весной. Смысл названия: хамсин продолжается не более 50 дней.

¹⁸ Там же, I/11.

¹⁹ Место на окраине или возле г. Рафах (Рафиях) на границе с Египтом.

²⁰ Автобусная компания.

цер утонули. Сколько утонуло эмигрантов, неизвестно. Но несколько сот доплыли и смешались с толпой. Снова охота на людей — выслали на Кипр жителей кибуцев, которые прикинулись, что прибыли только что, а настоящие новоприбывшие остались. На Кипре они (т. е. кибуцники — В. Б.) легализовались, посмеялись над англичанами и вернулись через неделю. Вернулась я сейчас из конторы, где пытаюсь устроить вот этих последних прибывших. Все они специалисты: наборщики, слесари, столяры. Прекрасные люди». (27 марта 1947)²¹.

Осмысляя события вокруг, она видела происходящее в исторической перспективе, во всяком случае, именно так их объясняла:

«А ведь сегодня мы здесь, эта малая горстка, выполняем роль молота, который разбивает стены Английской империи, и вместе с ними ментальность вчерашнего мира. Мы, словно лилипуты, вбиваем булавки в стопы Гулливера и выставляем его на посмешище перед всем миром. Это мы вызвали забавное зрелище, когда 100.000 английских солдат с танками и пушками обложили крошечный Тель-Авив, и только здесь маленькие черные парнишки-йемениты бросают в английских солдат камни и называют их «наци!» Вы знаете давно, что подобно другим евреям, я уверена в идее «избранничества» (см. Быстронь²²). На сей раз, как и 5000 лет (Моисей) и 2000 (Христос) и 50 (Маркс) лет назад, — опять маленький Давид целит в Голиафа». (27 марта 1947)²³.

При всем при этом не прекращалась культурная жизнь, о многообразии которой автор писем рассказывала с оттенком иронии: «Другие в восторге от «развития культуры». Похоже, ежедневно выходят три книги на иврите, концертов не счесть, музыкальных гениев без счета на экспорт. В театрах «Эдип» (Габима), режиссер Тайрон Гатри (великий английский режиссер)²⁴, «Антигона» в Камерном (в современных костюмах), опера с американскими звездами, концерты с ита-

²¹ Музей, I/11.

²² Автор указывает на книгу: Bystron Jan Stanisław. Polacy w Ziemi Świętej, Syrii i Egipcie. 1147—1914. Kraków, 1930.

²³ Музей, I/11.

²⁴ Sir William Tyrone Guthrie (1900—1971).

льянскими дирижерами и французскими солистками, конкурсы музыкальные, шахматные, по мосту, четыре выставки живописи только в Тель-Авиве, три кабаре, модные ревю, устные журналы, — если подумать, что все это, вместе с бомбами и кибуцами, дело полумиллиона «остатков народа», — и правда: *chapeau bas* перед еврейской деятельностью и энергией» (25 января 1947)²⁵.

Последнее из писем Паулины Апеншляк написано (в ответ на письмо Броневского) с большим перерывом — 25 января 1956 г. уже из другой страны — Израиля, — и оно стало также своего рода и некоторым подведением итогов.

«Моя книга о Корчаке пользуется здесь большим успехом. Но не думаю, чтобы она нашла издателя в Польше. Написала другой роман, историю борьбы с английским колонизатором, — если будет для нас когда-нибудь конъюнктура более дружеская, я имею в виду тему, могла бы выйти по-польски. Героем является эмигрант из Польши, который пережил войну и лагеря, и здесь вступает в Хагану²⁶, а его партнерша — девушка, четвертое поколение «сабр»... Писала в период, когда англичане покидали страну, — там много подпольной борьбы с английскими оккупантами. У нас жизнь удивительная. Делаем вид, что не видим приближающейся опасности, и взаимно обманываемся²⁷. При мысли, что нам снова придется пережить войну, пропадает желание жить. Трудно себе представить, как не хотим мы этой войны, и как отдаем себе отчет в том, что кому-то она нужна. Считаю войны в своей жизни и не могу понять, за какие грехи мне их столько выпало.

Дни сейчас спокойные тем знакомым мне сентябрьским²⁸ спокойствием. Зима прекрасная, цветущая, как всегда, миндалем и маками. Страна очень изменилась, упорядочилась, строится, всё всерьез».

²⁵ Музей, I/9.

²⁶ Хагана («защита», «оборона» — иврит) — подпольная военная организация, созданная в 1920 г. в подмандатной Палестине для охраны еврейского населения на всей территории Эрец Исраэль. С образованием Государства Израиль Хагана составила основу Армии Обороны Израиля (Цахала).

²⁷ Письмо писалось за несколько месяцев до Синайской кампании 1956 г.

²⁸ Автор имеет в виду сентябрь 1939; миндаль зацветает в Израиле обычно в конце января — начале февраля.

Рассказывала она и о своем вживании в новую жизнь, в которой нелегко переносится хамсин, а иврит — «язык, на котором говорю, работаю, пишу, — для меня словно корсет или тесная обувь». Но зато среди немногочисленных друзей — поэты Авраам Шленский и Лея Гольдберг.

В письмах Паулины Апеншляк — жизнь повседневная, быт, это субъективная история; автор запечатлела живое течение жизни, ее напряженность и драматизм. Подробности частной жизни даются параллельно событиям жизни еврейского ишува в Эрец Исраэль буквально в преддверии образования Государства Израиль. Эти параллели, — а точнее определить их как линии пересекающиеся, — создают и удерживают многомерное пространство невероятных порою сочетаний и сближений. Паулине Апеншляк в своих письмах удалось создать интересное повествование о стремительно меняющейся исторической действительности и человеке в ней. К автору этих писем вполне приложимо сказанное Ильей Захаровичем Серманом о Карамзине: она тоже «увидела историю в материальном воплощении». Паулина Апеншляк понимала также историческое значение происходящих событий, пыталась это значение определить и выразить.

В ее письмах все кажущиеся несовместимыми контрасты очень естественно соединяются в единый текст — интересный и эмоциональный, с неожиданными поворотами; эти письма начисто лишены той скучноватости, присущей «классическому» письму, а ведь они содержат все основные элементы канона. Письмо по природе своей разнотемно, оно постоянно переключается с одной темы на другую, с серьезности на мелочи, и автору порой совсем не просто совладать со всем тем, что изливается из-под его пера на бумагу.

Она называла свои письма к Броневскому беседой с ним, — и впрямь в ее письмах плавное перетекание тем, рассказов о событиях, оценки, замечания. Пафос и лирический тон она снимала или хотя бы «смягчала» иронией, каплей юмора. Но и сарказм, и прямая насмешка над некоторыми общими знакомыми, взглядов или жизненных установок которых она не разделяла, ей не чужды. Таковы приметы ее эпистолярного стиля, — а о нем можно говорить: Паулина Апеншляк пером владела хорошо.